

Экономическая теория

Назгуль ДАВЛЕТБАЕВА,
Юрий ОСИК

**ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ:
В ПОИСКАХ ВЗАИМОСВЯЗИ**

Резюме

Рассмотрены точки соприкосновения истории экономики и экономической этнографии (экономической антропологии) и установлено, что диахронная связь между «примитивными» экономиками древних и современными нерыночными экономическими системами прослеживается через описание потребителей – домохозяйств и коллективных крестьянских хозяйств.

Ключевые слова

Экономическая этнография, диахронная связь, коллективные хозяйства, редистрибуция и обмен.

Классификация по JEL: N0.

© Назгуль Давлетбаева, Юрий Осик, 2011.

Давлетбаева Назгуль, канд. экон. наук, Карагандинский государственный технический университет, Казахстан.

Осик Юрий, канд. техн. наук, Карагандинский государственный технический университет, Казахстан.

В настоящее время общепринятым является мнение, что современная экономическая наука не представляет собой единого здания с одинаковой для всех ученых программой и методологией исследования. Скорее, она похожа на совокупность различных научных направлений, представители которых решают одну и ту же задачу – осуществляют теоретический анализ экономических процессов и вырабатывают практические рекомендации по управлению экономикой. Вместе с тем, тон в этой работе задается представителями неоклассического мейнстрима, хотя сама неоклассика выглядит уже менее стройной в идейном отношении по сравнению, например, с периодом полувековой давности [1].

Проведя сравнительный анализ различных направлений экономической мысли, можно прийти к выводу, что в моделях экономического поведения человека, представленных классической и неоклассической теориями, предмет выбора, внешние условия осуществления выбора, историческая эпоха, психическое состояние и ментальность субъекта, осуществляющего выбор, особого значения не имеют. Это приводит экономический анализ в абстрактную, оторванную от жизни сферу. Наиболее динамично развивающееся направление современной экономической мысли – институционализм – выявил и научно обосновал ряд новых особенностей поведения человека при осуществлении хозяйственно-экономической деятельности. Модель максимизирующей полезности «экономического человека», безусловно приписываемая А. Смиту, не выдерживает ни критики экономистами-теоретиками, ни проверки реалиями экономической деятельности. Предметно-методологические разработки институциональной экономики позволили сделать обоснованные выводы о том, что не рынок, а институты влияют на эффективность размещения ресурсов, экономическое развитие, распределение ресурсов между экономическими агентами.

Еще более подорвала авторитет сторонников постулата о том, что люди в процессах хозяйственно-экономической деятельности ведут себя рационально, поведенческая экономическая теория. Теперь благодаря этому направлению экономической науки мы начинаем понимать, что управляет нашими решениями иррациональность – она и есть та самая «невидимая рука». Люди – заложники своих пристрастий, и их поступками чаще руководят подсознательные импульсы. Страх, месть, любовь, ненависть, потребность в игре, сексуальное влечение определяют экономическое поведение человека в гораздо большей степени, чем трезвый рассудок и стремление к максимизации материальной выгоды.

Предложенный новой институциональной теорией понятийный аппарат (институты, учреждения, организации и системы; ограниченная и органическая рациональность, оппортунистическое и рентоориентированное

поведение, издержки на реализацию прав собственности, положительный и отрицательный внешние эффекты, несимметричность информации, неполнота контракта) позволяет с иных, по сравнению с классиками и неоклассиками, позиций объяснить ряд явлений и процессов социально-экономической жизни, в том числе и экономического поведения, в различных условиях внешней среды.

Таким образом, отказавшись от жестких рамок классической и неоклассической теории (полная рациональность, абсолютная информированность, совершенная конкуренция, максимизация полезности) и сосредоточившись на проблемах мотивации человеческого поведения, институционализм привлек к экономическому анализу социокультурные, психологические, исторические, этические факторы, которые до настоящего времени остаются за пределами широкого круга экономистов. Благодаря этому открылись возможности вести научное обсуждение отклонений от рациональности, то есть иррационального поведения человека. Краеугольным камнем введения в науку иррациональности поведения субъектов экономической деятельности послужило наведенное потребление «праздного класса», описанное Т. Вебленом, а также поведение домашних хозяйств, которое занимает все более значимое место в экономических исследованиях последнего десятилетия.

Продолжающийся третье десятилетие методологический бум в экономической науке О. Ананьин объясняет наличием «неутоленной потребности экономического сообщества в саморефлексии, если не сказать, в самоидентификации» [2]. Это справедливое замечание было высказано в контексте развернутой рецензии на монографию М. Блауга [3], главного редактора «Журнала экономической методологии» (*Journal of Economic Methodology*). Упоминая о радикальных переменах, происшедших в мировой экономической науке во второй половине XX века и «требующих еще немало времени и светлых голов для их осмысления», и далее на протяжении всей статьи О. Ананьин не упоминает об институционализме и поведенческой экономике (очевидно, автор ее не является сторонником упомянутых направлений современной экономической науки), хотя между строк читается именно это радикальное направление теории и методологии экономической мысли. Методологический бум и развитие институционализма приходятся на одно и то же время, что наводит на мысль о неслучайности такого совпадения.

Если методологический бум к настоящему времени достаточно широко распространяется в современной экономической теории (использование методов других наук для решения экономических научных задач и использование экономических методов для решения задач других наук), то этого нельзя сказать об истории экономики. Полагаем, что этот момент требует более подробных пояснений.

К. Поланьи [4–5] и в более развернутой форме Д. Норт [6] были высказаны предположения о том, что система институтов и институций каждого конкретного общества образует своеобразную институциональную матрицу, которая определяет веер возможных траекторий его дальнейшего развития. Термин «матрица» происходит от латинского *matrix (matricis)*, что значит «матка». В самом общем виде матрица означает общую основу, схему, некую исходную, первичную модель, форму, порождающую дальнейшие последующие воспроизведения чего-либо. В данном случае это означает, что настоящее развитие зависит от предыдущего пути развития.

К. Поланьи полагал, что институциональная матрица направляет экономические отношения между людьми и определяет место экономики в обществе, задает социальные источники прав и обязанностей, которые санкционируют движение благ и индивидуумов при входе в экономический процесс, внутри него и на выходе. По определению Д. Норта, институциональная матрица общества представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему. Д. Норт полагает, что экономические (и политические) институты в институциональной матрице взаимозависимы, политические правила формируют правила экономические, и наоборот. При этом и К. Поланьи, и Д. Норт полагают также, что каждое общество имеет конкретную, свойственную только ему институциональную матрицу.

Учитывая значимость институциональных матриц для понимания истории и перспектив развития государств, на основании изучения современного трансформационного периода России, ее истории, а также древней и современной истории стран Западной Европы, Юго-Восточной Азии и США, С. Кирдиной была разработана концепция институциональных матриц [7]. Методологической основой этой концепции послужило творческое развитие идей, содержащихся в трудах Д. Норта, К. Поланьи и О.Э. Бессоновой. Концепция институциональных матриц продолжает традиции системного подхода как методологии изучения социальных объектов, характерные для новосибирской экономико-социологической школы, основанной академиком Т. И. Заславской.

С. Г. Кирдина отмечает, что институциональная матрица – это модель базовых общественных институтов, сложившихся на заре возникновения первых государств – устойчивых человеческих сообществ. Все последующие институциональные структуры воспроизводят и развивают, обогащают эту первичную модель, сущность которой, тем не менее, сохраняется.

По С. Г. Кирдиной, институциональная матрица обеспечивает взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем – экономики, политики и идеологии. Многообразные институциональные комплексы, регулирующие жизнь древних и современных обществ, имеют в своей основе одну из двух институциональных матриц – восточную и запад-

ную. Такое определение, с одной стороны, опирается на известные в научной среде дуальные оппозиции «Восток – Запад», используемые при характеристике своеобразия общественных структур. С другой стороны, такое определение нейтрально в оценочном плане. Названные матрицы, по С. Г. Кирдиной, различаются содержанием образующих их институтов следующим образом.

Для западных институциональных матриц характерны следующие институты:

- в экономической сфере – рынок или обмен;
- в идеологической сфере – доминирование индивидуальных ценностей, приоритет Я над Мы, или субсидиарность, то есть примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые по отношению к личности имеют субсидиарный, дополнительный характер.

Для восточных институциональных матриц характерны следующие базовые институты:

- в экономической сфере – редиистрибутивная (по К. Поланьи), или раздаточная (по О. Бессоновой) экономика;
- в идеологической сфере – доминирование коллективных ценностей и общих интересов над индивидуалистическими, приоритет Мы над Я, или коммунитарность.

Частичные подтверждения этим общепринятым взглядам можно найти, прежде всего, в работах К. Поланьи не как экономиста-теоретика, а как экономического этнографа. В посмертно изданной его последователями книге «The Livelihood of Man» [5] К. Поланьи подробно исследует формы интеграции экономического процесса в разные исторические эпохи в разных странах. Он выделяет две доминантные формы, которые составляют, по его мнению, основу классификации всего множества общественных хозяйств – редиистрибуцию (*redistribution*) и обмен (*exchange*).

Опираясь на результаты своих многочисленных исследований, К. Поланьи в жесткой форме утверждал, что созданная А. Смитом теория экономики, в основе которой лежат институты рынка и свойственные ему механизмы спроса-предложения-цены, была не более чем здравым смыслом по отношению к окружающей его самой реальности [5, с. 6–7]. Значительную часть своей книги Поланьи посвятил доказательствам того, что рыночно-устроенный, базирующийся на обмене институциональный комплекс не является общим для экономики всех обществ. Многие общества, по результатам его экономико-исторических исследований, характеризуются иным типом экономической системы, основанной на редиистрибуции.

Современные исследователи подтверждают этот вывод Поланьи. Так, например, Марио В. Льюса в предисловии к книге Э. Де Сото «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире» пишет: «в Перу никогда не было рыночной экономики.... Эта концепция применима ко всей Латинской Америке, и, вероятно, к большинству стран третьего мира» [8].

К. Поланьи называл другой тип экономических систем, отличных от рыночных, реди́стрибу́тивными экономика́ми. В реди́стрибу́тивных экономика́х преобладает физическое перемещение производимых благ и услуг к центру, откуда затем они вновь передаются экономическим субъектам. Реди́стрибу́ция представляет собой процесс аккумуляции, собирания, совмещенного с новым, вторичным распределением и раздачей. Именно через реди́стрибу́цию в этих обществах достигалось воссоединение распределенного, разделенного труда [5, с. 40–41].

Таким образом, со времени К. Маркса, исключившего из своего теоретического исследования «азиатский способ производства», теория развития нерыночных экономик, сопоставимая с марксовской концепцией развития рыночного хозяйства, в экономической и социологической науке не была разработана.

Ответом на этот вызов и можно считать институциональную теорию хозяйственного развития России, предложенную в начале 90-х годов О. Э. Бессоновой – представителем Новосибирской экономико-социологической школы. Основы этой концепции, названной О. Э. Бессоновой теорией раздаточной экономики, изложены в работе [9].

Основным экономическим институтом, обуславливающим специфику всех остальных в реди́стрибу́тивной (раздаточной) экономике, является институт общественно-служебной собственности. Это означает, что владельцем всех основных ресурсов признается общество в целом. При этом в каждый исторический период существует признанный представитель этого общественного интереса, основные игроки, сначала в виде лиц (например, князь, царь или император), а затем организаций («пути», приказы, государственные организации). Данные игроки несут ответственность за использование имеющихся национальных ресурсов в интересах всего общества.

Воспроизводство в реди́стрибу́тивной экономике не регулируется отношениями обмена, нецелесообразными в рамках единой собственности, а осуществляется на основе раздач и сдач.

В поддержку принципиального подхода С. Г. Кирдиной о существовании двух типов институциональных матриц, но в рамках изменений, имеющих принципиальное значение, ранее в работе [10] было показано, что: а) структура самих матриц является несколько иной; б) ни в одном обществе не встречается в чистом виде только одна институциональная матрица из двух указанных, а имеет место совокупность обоих видов.

Структура *западной* институциональной матрицы была представлена следующей.

Основная матрица:

Доминирующие институты в организационной культуре: приоритет индивидуальных ценностей, приоритет Я над Мы, или субсидиарность, то есть примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые по отношению к личности имеют субсидиарный, дополнительный характер.

Производные институты в экономической сфере – рынок или обмен.

Комплиментарная матрица: доминирующие институты в организационной культуре – приоритет коллективных ценностей и общих интересов над индивидуалистическими, приоритет Мы над Я, или коммунитарность.

Производные институты в экономической сфере – редистрибутивная (раздаточная) экономика.

Для *восточных* институциональных матриц характерна следующая структура.

Основная матрица: доминирующие институты в организационной культуре: приоритет коллективных ценностей и общих интересов над индивидуалистическими, приоритет Мы над Я, или коммунитарность.

Производные институты в экономической сфере – редистрибутивная (раздаточная) экономика.

Комплиментарная матрица: доминирующие институты в организационной культуре: приоритет индивидуальных ценностей, приоритет Я над Мы, или субсидиарность, то есть примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые по отношению к личности имеют субсидиарный, дополнительный характер.

Производные институты в экономической сфере – рынок или обмен.

Предложенные С. Кирдиной и нами матрицы относятся ко всем субъектам экономической деятельности, включая крестьянские, домашние хозяйства и индивидуальных потребителей, а не только к тем, которые стали предметом изучения экономической науки с тех пор, как она отмежевалась от общества, от социальной среды – к производству, государству и рынку.

Выполненные в последнее десятилетие многочисленные исследования крестьянских и домашних хозяйств, функционирующих не совсем по рыночным, или совсем не по рыночным принципам, законам, нормам и правилам, позволили установить: эти «нерыночные» институты не являются порождением XX или XXI века – они дошли до нас из глубины веков. В частности об этом свидетельствуют результаты исследований экономических

этнографов – Н. И. Зибер, Б. Малиновского и других, о которых пойдет речь ниже.

А Кирдина подтвердила, что она не применима и к описанию деятельности современных субъектов экономической деятельности – крестьянских общин и домашних хозяйств.

Экономическая этнография (в других источниках – экономическая антропология) – научная дисциплина, пограничная между этнографией и экономикой. Предметом ее изучения являются, во-первых, производственные отношения первобытных и предклассовых (т. е. переходных к классовым) обществ, во-вторых, экономика крестьянской общины. Причем в определении предмета исследования акцентируется внимание на первобытных и предклассовых обществах, вуалируется их связь с крестьянскими общинами и совсем не упоминается связь с домашними хозяйствами.

Попытки свести воедино и систематизировать те отрывочные сведения об экономических отношениях «примитивных» обществ, которые содержались в трудах путешественников, миссионеров, этнографов, стали предприниматься начиная с 80-х годов XIX в. (Н. И. Зибер и др.). Следующий шаг состоял в переходе к систематическому, целенаправленному полемому исследованию экономических отношений народов, находившихся на стадии первобытного и доклассового обществ. Он связан прежде всего с именем Б. Малиновского, опубликовавшего в начале 20-х годов XX в. ряд работ, в которых была описана и проанализирована экономика меланезийцев о-вов Тробриан [11]. Собранный Б. Малиновским материал убедительно свидетельствовал, что господствовавшая в западной экономической науке формальная экономическая теория (маржинализм), которую ее сторонники рассматривали как универсальную, совершенно не применима к «примитивным» экономикам. Показав, с одной стороны, что в «примитивном» обществе существует достаточно сложная система экономических отношений, а с другой – что никакой теории этой экономики не существует, Малиновский своими полевыми, теоретическими исследованиями положил начало экономической этнографии как отдельной научной дисциплине. В течение нескольких последующих лет был накоплен фактический материал, но в области его теоретической разработки каких-либо существенных сдвигов не произошло. Результатом было обращение части специалистов в этой области к формальной экономической теории (Р. Ферс, М. Херсковиц, Д. Гудфеллоу). Переход к новому этапу в развитии экономической этнографии, начавшемуся с середины 40-х годов, характеризовался оформлением в ней «формалистского» направления. Но попытки втиснуть в рамки маржинализма полученный фактический материал не увенчались успехом. На рубеже 50–60-х годов в рамках экономической этнографии выкристаллизовалось иное теоретическое направление – субстантивизм (К. Полани, Дж. Дальтон, М. Салинз). В противоположность формалистам субстантивисты настаивали на существовании качественного различия между «примитивной» и ка-

питалистической экономикой. Соответственно, они ставили своей задачей создание особой теории «примитивной» экономики, отличной от формальной экономики, которую они рассматривали как теорию исключительно лишь капиталистической (рыночной) экономики. Развернувшаяся в 50–70-х годах дискуссия показала несостоятельность формалистского подхода к «примитивной» экономике. А субстантивистам, несмотря на определенный позитивный вклад, не удалось создать научной теории «первобытной» экономики [11]. Нам представляется целесообразным продолжить экономико-этнографические исследования в рамках субстантивизма, устанавливая параллели между экономикой древних, с одной стороны, и экономикой современных домохозяйств и крестьянских хозяйств.

Представляется, что экономическая этнография заслуживает места в истории экономики и экономической науке в целом по следующим причинам.

1. На протяжении нескольких столетий вплоть до настоящего времени интенсивно и систематически исследовались два типа экономических субъектов: фирма (производство), государство и рынок. Причем потребитель рассматривался в «привязке» к рынку. Но здравый смысл и результаты исследований последнего десятилетия показывают, что потребитель больше привязан к домашнему хозяйству как субъекту экономической деятельности, чем к рынку. Не подлежит сомнению также, что свойства и функции домашнего хозяйства, так же, как его цели и задачи, не тождественны ни фирме, ни рынку, ни государству. Аналогично свои специфические нерыночные законы функционирования проявляются и у крестьянских хозяйств. Это нашло красноречивое подтверждение на практике в кризисный период «дикого» становления рынка на постсоветском пространстве в начале 90-х годов XX века, когда оплотом выживания населения стали именно семьи и крестьянские хозяйства. Ни крестьянские хозяйства, ни семьи не исчезнут в обозримом будущем. Следовательно, эти два типа экономических субъектов, функционирующих по нерыночным законам, представляют интерес для экономической науки, соединяя «примитивные» древние экономики с современной хозяйственной деятельностью.

2. Ранее считалось, что жизнь древних людей была невыносимо тяжёлой из-за недоедания, хронических болезней, тяжёлого труда, направленного на удовлетворение минимальных потребностей.

Поэтому исходным тезисом, с которым этнографы отправились в джунгли и пустыни к индейцам и папуасам, была их общая уверенность в том, что эти люди, живущие в суровых условиях дикой природы с простейшими орудиями труда, должны работать не 8 часов в сутки, как того требуют МОТ и ООН, а значительно больше. Этнографы выяснили, сколько времени и сил тратят эти «дикие» племена на поддержание своей жизни, и результат оказался ошеломляющим: многие племена охотников и собирателей трудятся в среднем всего 2–5 часов в день. То есть намного меньше, чем сами изучавшие их жизнь исследователи, строго оговорившие продол-

жительность своего рабочего дня и зарплату с работодателями и профсоюзами. Результаты наблюдений были одинаковы как для джунглей Амазонки, так и для африканской пустыни Калахари, и этот факт называли «парадоксом Салинза».

Ошеломленные своими выводами, ученые так характеризовали парадокс: «Хотя и может показаться странным, но человек, ведущий первобытный образ жизни, располагает значительным ресурсом» [12]. О каком ресурсе идет речь? «Человечество проделало путь от охоты и собирательства, когда все имели время для праздности...» [13]. Только ли для праздности? Сам М. Салинз называл такие сообщества «обществами изобилия», и думается, что термин «изобилие» им применен в широком смысле, включающем духовное изобилие не в последнюю очередь.

Учитывая, что в качестве основного критерия эффективности функционирования экономики используется количество свободного времени работников, при сравнении «примитивной» и современной экономики по этим критериям проявляется более высокая эффективность первой. Следовательно, есть основание утверждать, что современная экономика регрессивна, так как движется от более низкой занятости к высшей.

Почему эффективность экономического уклада какого-нибудь африканского или полинезийского племени обязательно ниже американского уклада жизни? Во всяком случае, африканское племя не уничтожает все вокруг себя, подобно американской экономике, процветание которой может быть основано просто на историческом опережении и выстроенной системе структурной зависимости и экономической экспансии, оттоком капиталов по всему миру.

Функцией экономики является обеспечение продолжения существования общества как культурного феномена (Аристотель); экономика, не будучи подчиненной этой цели, разрушает те самые жизни, которым она предназначена служить (Р. Оуэн). Современная экономика, отмежевавшись от общества, становится хреодной, то есть неэффективной в принципе, и ведет цивилизацию в тупик. Уровень загрязнения природной среды постоянно растет опасность климатологических непоправимых и необратимых изменений резко увеличивается, неуклонно возрастает уровень бедности и разница в благосостоянии между богатыми и бедными странами. Подражая американскому образу жизни, мы все в большей степени обираем будущие поколения, благоденствуя за их счет. Считать ли такое развитие эффективным? – вопрошает автор монографии об эффективности экономики О. С. Сухарев [14, с. 19–20]. Может быть, увеличение занятости и дефицит свободного времени играет в этом главную роль: современному человеку все больше недостает времени (и/или желания, совести) на рефлексии. Социум превращается в изолированных друг от друга в пространстве и времени воинствующих атеистов-индивидуалистов в худшем смысле этого слова.

Диахронные социальные связи между «примитивными экономиками древних и современными экономическими системами проходят через институты семьи и крестьянского хозяйства. Тезис о ценовой нейтральности рынка и его информативной функции, с одной стороны, и ненейтральности институтов (традиций, обычаев, верований) – с другой, призывает акцентировать внимание на тех субъектах экономической деятельности, в которых ненейтральность этих институтов, а также иррациональность поведения индивидов сохранилась в большей степени. Это упомянутые домашние и крестьянские хозяйства. Таким образом: теоретические основы экономической науки не могут быть созданы без учета экономической истории; экономическая история тесно связана с экономической этнографией; так называемые «архаические» экономики прочно встроены в уклад современной хозяйственно-экономической деятельности.

Литература

1. Павлов И. Поведенческая теория – позитивный подход к исследованию экономической деятельности. – Вопросы экономики. – 2007. – № 7. – С. 64.
2. Ананьин О. Экономическая наука: как это делается и что получается? – Вопросы экономики. – 2004. – № 4. – С. 149–153.
3. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.
4. Polanyi K. The Economy as Instituted Process. // Trade and Market in the Early Empires / Ed. by Polanyi K. Etc. Clencoe, 1957.
5. Polanyi K. The Livelihood of Man. N.-Y. Academic Press Inc., 1977.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
7. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М., 2000.
8. Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. – М., 1995. – 534 с.
9. Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1996.
10. Жакенов О. Г., Осик Ю. И. Организационная культура в структуре институциональной матрицы // Вестник КЭУ: экономика, философия, педагогика, юриспруденция. – 2006. – Декабрь. – С. 51–55.

11. Polanyi K. – Primitiv, Archaic and Modern Economies, ed. by G. Dalton, Boston, 1971, p.78.
12. Иди М. Недостающее звено. – М., 1977.
13. Геллнер Э. Нации и национализм. – 1991.
14. Сухарев О.С. Теория эффективности экономики. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 368 с.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2010 г.